

Гореп

Рецензия на книгу М. К. Мамардашвили «Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии)».

*Св. 4/5 терр. занимают высокогорные и
среднегорные хребты Б. и М. Кавказа
(высшие точки – г. Шхара, 5068 м, г. Казбек,
5033 м.)*

Географический энциклопедический словарь

Научное постижение истины – процесс сложный и многоуровневый. Каждой части этого процесса назначено свое место и своя роль. Выдвижение гипотез, экспериментальное их подтверждение или опровержение, возникновение утвержденного знания – вот основные его этапы. Всё расписано до мелочей. В целях достижения всеобъемлющего постижения наука разделена на отрасли и подотрасли, каждая из которых исследует что-то одно (физика – физическое, химия – химическое, биология – биологическое и т. д.), что под занавес в совокупности своей и должно образовывать некую целостную конструкцию истины. Гносеологии внутри этой системы вверена задача систематизации способов и методов извлечения данных и преодоления препятствий, возникающих на пути исследователя. И это – то, с чем никак не может согласиться М. К. Мамардашвили.

В случае «Стрелы познания» мы встречаемся с сознательным нежеланием гносеологии выполнять возложенную на неё функцию. И дело даже не в обиде на то, что ранее могущественная наука об истине, всеусущей и всепоглощающей, скатилась не по своей, конечно, воле до уровня простой методологии, а, по большей мере, в трезвом видении того, что выше обозначенный подход не в состоянии никого никогда и никуда привести. Ведь сколь угодно долго можно идти из пункта А в пункт В, а из пункта В – в пункт С, ни тот, ни другой, ни третий не наделяя характеристиками цели. Итог предreshён уже самим фактом движения, которое или уйдет в бесконечность (и это в лучшем случае), или же, что вероятнее всего, опишет диаметр земной поверхности и с удивлением найдет себя именно в той самой точке, с которой движение начиналось. Истина ни там, ни здесь не обнаруживается, и науке о ней остается одно из двух: либо добровольно разложиться, что уже фактически произошло, и потерять себя в системах ценных руководящих указаний, либо избрать принципиально иную траекторию.

Гносеология новоевропейская – теория познания равнин. Она редко смотрит по сторонам, а все чаще себе под ноги, ведь тому, что идёт за ней, нельзя спотыкаться. Она сглаживает шероховатости и пробивает в них туннели там, где это сделать проще, чем сгладить; гносеология же предлагаемая М. К. Мамардашвили призывает к их (шероховатостей) покорению. Это наука о вершинах как о точках, откуда всякое дальнейшее движение есть не что иное, как движение назад. Вершина – точка конечного постижения, и покорение горы в целях достижения этой точки – процесс гораздо более осмысленный, чем столь привычная для нас возвратная цикличность исследования.

С точки зрения ученого пересечённой местности, идея суммирования и деления выводов из знания могла возникнуть лишь в умах непроходимых посредственностей, которые этого знания и в глаза то не видели, так же, как не видят они и внутренней противоречивости самой этой идеи. Например, почему ни у кого, даже у апологетов данного подхода, не вызывает удивления то, что некий

гений, взявший свою вершину или, выражаясь языком науки, совершивший открытие, не призывает к дальнейшему движению в намеченном им направлении (Пифагор – к развитию своей теоремы, Ньютон – к «жонглированию яблоками»)? А ведь должны бы. И почему это вдруг человека, прославившегося в одной из отраслей, по прошествии определенного промежутка времени, предвещающего понимание, провозглашают гигантом отрасли совершенно противоположной, чему ярким доказательством служит калейдоскопические сочетания естественных, «точных» и гуманитарных прозрений большинства серьёзных исследователей (примеры, вследствие их очевидности, даже приводить неудобно)? Новоевропейская познавательная традиция пытается избежать подобных парадоксов, поскольку в её рамках вразумительного ответа на них не существует, и это опять же только потому, что новоевропейская познавательная традиция никогда не постигала вершин. Перспектива дальнего не идет ни в какое сравнение с перспективой горнего, где с одного венца, кроме ранее недоступных зрению широт приземленного, можно видеть иные венцы; те же, что не открыты напрямую, предполагаются. Труд покорения окупается сторицей там, где механизированный экстаз общества научного прогресса уступает свое место тому, чьей жалкой копией он на самом деле являлся. И край этот, и экстаз этот – это край и экстаз, доступный любому, ведь здесь не существует ни плагиата, ни аналогий – постижение горы всегда сугубо индивидуально.

Здесь мы напрямую сталкиваемся с проблемой обучения или усвоения знания. То, что мы на сегодняшний день имеем, предполагает систематическое, детальное изучение свершений других. С детства в голову современного человека вкладывают мириады формул и теорий с требованием их слепого запоминания и автоматического использования (система общего образования). Авторитетность источника здесь уже служит доказательством. Детище Мамардашвили предлагает принципиально иной подход к решению столь важной задачи.

Конечно, можно изучать горы по туристическим путеводителям, взвешивать все «за» и «против», кропотливо исследовать составы экспедиций и маршруты их передвижения. Можно даже, базируясь на опыте первопроходцев, соорудить некое подобие Вавилонской башни, интегрирующей в себе все оттенки достижения и переживания, но бессмысленность данного мероприятия известна издревле; итог – смешение языков и недоступность понимания. Вершина должна быть заново покорена, несмотря на все те препятствия, которые она ставит на пути восхождения. Впечатляющая иллюстрация диалектики активного и пассивного, покорения и самооткрытия. Да и сама история научных достижений поэтому пишется уже не столько для того лишь, чтобы быть прочитанной, а, по большей мере, для того, чтобы служить побуждением к новым открытиям или к открытиям заново, что, по сути, являет собой одно и то же. Гносеология напрочь отвергает роль прислужницы научной мысли и претендует на то, чтобы быть её поводырем в область функционирования явлений истины.

Всякие попытки усомниться в научности представленного подхода, опирающиеся на обвинения в крайней его мистичности, с очевидностью обречены на провал. Позиция Мамардашвили в любом случае ничуть не более мистична, чем стандартная аксиоматическая «эсхатология» (вера во второе пришествие истины), предлагающая нам, основываясь на априорном предположении достоверности некоторого факта, проецировать в бесконечность высочайшую его верификацию. Напротив, реальность упования здесь умножается на реальность постижения; и на вопрос: «Научный ли?» – ответом является:

«Естественно, научный!», естественнонаучный или естественноисторический, как это заявлено титульным листом «Стрелы познания».

Предметом гносеологического исследования является уже не метод изучения или выявления события, а само это событие, взятое как свободное в своем естественном ареале обитания – параллельном повседневному полю схождения понимаемых волн, то есть функционирования истины. Сама истина при данном её рассмотрении подобна жизни, явление – живому существу. Как жизнь, так и живое существо, требуют бережного обращения с собой. Нельзя взять кролика, разложить его на части и, исследовав каждую из них, сказать о том, что мы постигли кролика. Это нам известно еще со времен Бергсона. Труп не есть живое, и радость от общения с живым, за исключением патологий, не сравнима с радостью от общения с трупом. При любом анализировании истина точно так же, как и жизнь, ускользает безвозвратно; труд же естествоиспытателя с необходимостью состоит в приобщении к истине, поэтому в естественноисторической гносеологии исследуются не статьи, но личности: их побуждения и их откровения.

Следующий вопрос – вопрос систематизации. Как нельзя сказать, например, что тот же кролик живет винограда, исходя из того, что мясо полезнее «Кинзмараули», так нельзя и систематизировать знания по принципу: дважды два – четыре. За каждой «двойкой» теперь видятся две независимые единицы, обладающие своим неповторимым естеством, своей историей. Волны понимания раз за разом образуют все новые и новые складки (шероховатости) поля понимания, горы, вершины которых являются актуализацией истины, единой и неделимой. Следовательно, не стоит строить зоопарков, запихивая живое в упорядоченную клеточную систему учебников; тысячи любовных писем не заменят одного единственного поцелуя. История поцелуев – история жизни.

Здесь нам не избежать, конечно, упреков в том, что всё это не ново, что и до Мамардашвили разрабатывались подобные концепции понимания. То, что «реальность входит в мир трансцендентально», и то, что истина открывается вдруг – всё это предтечи постмодерна, да и сам постмодерн не устают доходчиво объяснять. Но стоит ли это возражение усилий, на него потраченных, ведь, если присмотреться внимательнее, становится очевидным, что при данных обстоятельствах новизна идеи не так уж важна. Изучение равно познанию, ученик – учителю, это ли не манифест постмодернизма! Оставаясь в рамках метафоры, заявленной вначале, могу лишь повторить: гора открывается каждому по-своему; для неё нет первых и нет последних; она чаще, чем что-либо еще, видит солнце; и нет разницы в том, с кем вместе на него смотреть.

Истина – отблеск солнца на леднике. Истина – глоток вина. Истина – поцелуй женщины. Национальное прочтение вселенского дискурса, отнюдь не бесспорное, но, тем не менее, заслуживающее внимания. Что же касается книги, то самым интересным, конечно, помимо содержания, мне представляется удивительное тождество того, что написано, тому, о чем написано. Ужасающее нагромождение параграфов (вольных складок и импульсов постижения), зияющие провалы скобок и лавины информации, являющейся их содержанием. Никакого намёка на четкое, доходчивое изложение материала; ни то, что дорог, не видно даже мало-мальски надежной тропы к пониманию. Все как будто специально подстроено для того, чтобы вконец измотать пытливый ум исследователя или вовсе отпугнуть его (и ум, и исследователя). Редкая стрела долетит до середины Шхары.

Степанов В. Э.